

Только Юань Сяоци, услышав эти слова, внутренне усмехнулась. Она считала, что реальность наверняка была страшнее слухов. Император, чтобы скрыть свои истинные намерения убить императрицу, изображал из себя одержимого и жестокого мужчину, склонного к домашнему насилию.

...

Е Цзяньюй ничего об этом не знал. Когда его состояние улучшилось, у него появились новые заботы.

До него дошли слухи, что Вдовствующая императрица вызвала всех наложниц и отчитала их за отсутствие манер, приказав каждое утро приходить к императрице с приветствиями. Даже если императрица болела, они должны были лично за ней ухаживать, ведь это было их обязанностью.

Также Вдовствующая императрица наказала наложниц, лишив их жалования на три месяца за то, что они не ухаживали за больной императрицей.

С тех пор наложницы каждое утро приходили к Е Цзяньюй с приветствиями.

Услышав эту новость, Е Цзяньюй упал на кровать, желая притвориться больным:

— Каждое утро приходится рано вставать, как на работу, и общаться с таким количеством людей! Я сойду с ума! Император, что мне делать? Что, если они будут издеваться надо мной?

Ли Цзиньчэнь успокоил его:

— Не волнуйся, сейчас весь дворец тебя жалеет.

Е Цзяньюй удивлённо спросил:

— ??? Что произошло?

Е Цзяньюй ещё не знал о всех слухах, ходивших за пределами дворца, но он чувствовал, что быть объектом жалости — не самое лучшее.

— Так нельзя. Если я не хочу, чтобы надо мной издевались, нужно, чтобы меня боялись, — Е Цзяньюй резко вскочил с кровати.

Пройдя через испытания с двумя наложницами Фэн, он уже не был таким робким, как в начале своего попаданчества.

Ли Цзиньчэнь наблюдал за Е Цзяньюем, желая понять, что тот задумал.

Е Цзяньюй направился к шкафу и достал оттуда несколько самых роскошных нарядов.

Эти наряды были сделаны из драгоценных тканей, которые требовали особого ухода. Даже прикосновение человека с грубой кожей могло оставить на них зацепки или потертости.

Два из этих нарядов сверкали при свете, как чешуя русалки, создавая волшебный и красивый эффект.

Эти ткани Ли Цзиньчэнь заказал специально для Е Цзяньюя. Они были настолько дорогими, что даже среди знати их не носили в повседневной жизни, только на важных мероприятиях.

Но Ли Цзиньчэнь был императором, и он не считал это слишком дорогим. В конце концов, Вдовствующая императрица сказала, что нужно удовлетворять все его желания, и он хотел только самое лучшее.

Однако Е Цзяньюй не решался носить эти наряды, считая их неудобными.

Дорогая одежда казалась ему такой, будто это она носила человека, а не наоборот, и делать что-либо в ней было неудобно. Поэтому эти наряды пылились в шкафу, несмотря на то, что Ли Цзиньчэнь говорил, что одежда портится, если её не носить.

Сегодня он наконец достал их и примерил:

— Император, как вы думаете, если я надену эти дорогие наряды, они не станут смотреть на меня свысока, как наложницы Фэн, и не будут издеваться надо мной?

Ли Цзиньчэнь, видя его воодушевление, не хотел остужать его пыл, но всё же сказал:

— Главное — это харизма.

— Вы хотите сказать, что даже в королевской мантии я не буду выглядеть как принц? — Е Цзяньюй привёл пример, но тут же понял, что это неудачно. — Нет, нет, это звучит так, будто я ваш сын. Одежда делает человека, так что я начну с этого, и, возможно, моя харизма постепенно вырастет.

Ли Цзиньчэнь кивнул:

— Хорошо, сначала примерь все эти наряды, и я посмотрю.

— Хорошо, Император, помогите мне выбрать самый красивый. Завтра я впервые покажусь перед ними после их прибытия во дворец, и нужно выглядеть достойно.

Е Цзяньюй стал примерять наряды один за другим. Они были настолько роскошными, что человек с недостаточной харизмой выглядел бы в них так, будто украл их. Но на Е Цзяньюе они смотрелись так, будто он был настоящим принцем.

— Ну как? Я смогу произвести впечатление? — спросил Е Цзяньюй.

Ли Цзиньчэнь посмотрел на него, на мгновение задумавшись, а затем пробормотал про себя:

— Я беру свои слова обратно.

Когда Е Цзяньюй только прибыл во дворец, он был робким, но после того как провёл время с императором, его харизма изменилась. В его движениях и манерах появилась естественная грация.

Ли Цзиньчэнь объяснил:

— Твоя харизма даже лучше, чем у некоторых принцев, выросших во дворце, но это только вызовет у других желание тебя обидеть.

Однако то, что Ли Цзиньчэнь имел в виду под «обидеть», отличалось от того, что думал Е Цзяньюй.

Когда Ли Цзиньчэнь увидел Е Цзяньюя в этих нарядах, в его голове возникли образы Е

Цзяньюя, плачущего в этой одежде.

На этих картинах Е Цзяньюй был с покрасневшими глазами, слезами на глазах, крепко сжимая губы, чтобы не издавать звуков. Его лицо выражало унижение, но при этом было красным.

Когда эти образы всплыли в голове Ли Цзиньчэнь, он нахмурился и спрятал свои мысли.

Чувства желания — это то, что присуще человеку от природы, и Ли Цзиньчэнь, хотя никогда не изучал этого, неожиданно представил себе, как Е Цзяньюй выглядит в чувственных сценах.

Возможно, пора уже подумать о том, чтобы Е Цзяньюй разделил с ним ложе.

Однако его маленькая императрица была очень пугливой. В прошлый раз, когда он был пьян и попросил Е Цзяньюя разделить с ним ложе, тот воспользовался его состоянием, обманул его, убежал и вернулся, чтобы прижаться своими холодными ногами к его ногам, чтобы согреться.

В следующий раз он не позволит себя обмануть. Он хочет, чтобы Е Цзяньюй добровольно согласился разделить с ним ложе.

Однажды Е Цзяньюй сам предложил разделить с ним ложе, но Ли Цзиньчэнь чувствовал, что это было не искренне, а лишь уступка. В этом не было никакого удовольствия. Только если Е Цзяньюй действительно полюбит его и их чувства будут взаимны, это принесёт истинное удовлетворение.

Ли Цзиньчэнь уже начал строить планы в своей голове, а Е Цзяньюй всё ещё ничего не подозревал, глупо переодеваясь и крутясь перед Ли Цзиньчэнем:

— Император, почему вы думаете, что в этой одежде меня захочется обидеть ещё больше? Потому что у меня недостаточно харизмы? Может, мне изменить выражение лица и тон?

Ли Цзиньчэнь только что очнулся от своих мыслей, как увидел, что лицо Е Цзяньюя внезапно приблизилось.

Е Цзяньюй подошёл очень близко, и его намеренно холодное выражение лица выглядело даже милее, чем обычно.

— Император, теперь у меня достаточно харизмы? — нарочито грубым голосом спросил Е Цзяньюй.

Ли Цзиньчэнь вздохнул, поднял обе руки и ущипнул Е Цзяньюя за щёки:

— Если кто-то тебя обидит, просто скажи мне, и я разберусь.

— Но, Император, разве вы не говорили, что хотите, чтобы я стал сильнее и мог сам себя защищать? — спросил Е Цзяньюй.

— Я передумал. Теперь я хочу, чтобы ты просто был собой и был счастлив, — ответил Ли Цзиньчэнь.

Раньше Ли Цзиньчэнь не испытывал к Е Цзяньюю никаких чувств. Для него это был просто навязанный императрицей человек, и чтобы он не стал обузой, Ли Цзиньчэнь хотел, чтобы Е Цзяньюй быстро вырос. Но теперь его чувства изменились. Он боялся, что слишком быстрый рост может испортить Е Цзяньюя, и лучше оставить всё как есть.

Раньше он боялся, что враги могут навредить Е Цзяньюю в его отсутствие. Теперь он хотел уничтожить всех врагов, чтобы Е Цзяньюй мог жить свободно и без опасений.

— Но, Император, вы не можете быть со мной всё время. Что, если они обидят меня? Что, если кто-то убьёт меня, а вас не будет рядом? Вы сможете только отомстить за меня потом, — возразил Е Цзяньюй.

Он тоже изменился с тех пор, как впервые прибыл во дворец. Раньше, услышав, что император будет его защищать, он бы просто стоял за его спиной и был бы счастлив. Но теперь он хотел стать сильнее.

Быть сильным действительно лучше, чем быть слабым и терпеть издевательства. Если он будет полагаться только на императора, то сегодня император любит его и помогает ему, а завтра полюбит кого-то другого и будет помогать ему. Если он ничего из себя не представляет и не имеет поддержки, он может только ждать смерти.

Если он станет сильным, даже если император перестанет его любить, он сможет выжить самостоятельно.

— Не волнуйся, среди наложниц есть наши люди, — успокоил его Ли Цзиньчэнь и, не совсем уверенный, добавил:

— Только никому не говори.

Е Цзяньюй впервые услышал, что Ли Цзиньчэнь делится с ним такой важной информацией, и быстро сделал жест, словно застёгивает молнию на губах:

— Не волнуйтесь, Император, я молчун, никому не скажу!

Ли Цзиньчэнь мысленно вздохнул: «...» Не очень-то верится. Я, кажется, погорячился.

Авторское примечание:

Ещё одна глава будет поздно ночью. Переоценил свои силы, думал, что две главы хватит, но пока не закончил. QAQ

<http://bllate.org/book/16199/1453714>